КНИГА ЗА КНИГОЙ

Джек Лондон

СКАЗАНИЕ О КИШЕ

Издательство
„Детская литература"

Сказание о Кише [авторский сборник]

Джек Лондон

Аннотация
Джек Лондон. СКАЗАНИЕ О КИШЕ
Сказание о Кише
На берегах Сакраменто

Аннотация

В книгу вошли два рассказа выдающегося американского писателя-классика Джека Лондона «Сказание о Кише», «На берегах Сакраменто», главными героями которых являются дети.

Рисунки *В. Цигаля*.

Содержание:

Вступление

Джек Лондон. *Сказание о Кише* (рассказ, перевод М. Богословской)

Джек Лондон. *На берегах Сакраменто* (рассказ, перевод М. Богословской)

Для младшего школьного возраста

Джек Лондон
СКАЗАНИЕ О КИШЕ

Рассказы

Джек Лондон (Jack London)

(1876–1916)

Джек Лондон, выдающийся американский писатель, родился в небогатой семье в городе Сан-Франциско и с ранних лет вынужден был

сам зарабатывать себе на существование. Кончив школу и добывая средства любым трудом (вплоть до работы в прачечной), он поступил в Калифорнийский университет. В 1896 году, когда на Аляске были открыты золотые россыпи, он отправился с партией золотоискателей в Клондайк. Вот из этого сурового края он и вынес свое «Сказание о Кише», проникнутое сочувствием и уважением к эскимосам, жившим в те времена в первобытных условиях и добывавшим себе пропитание охотой и рыболовством. Второй рассказ, вошедший в эту книгу, — «На берегах Сакраменто», рассказывает о мужественном мальчике Джерри, живущем в другом краю золотоискателей — Калифорнии.

Сказание о Кише

На самом берегу Ледовитого океана жил некогда Киш. Он был вождём своего племени, жил в благоденствии многие годы и умер, чтимый своим народом, и имя его сохранялось на устах у людей. Так давно жил он, что только у стариков оставалось в памяти его имя; имя и легенда о его деяниях, которую они сами слышали в юности от своих дедов и теперь рассказывают юношам, а те, состарившись, будут повторять её своим детям, внукам и правнукам, и так — до конца времён. И когда наступает долгая зимняя мгла, и северные

ветры свирепствуют над ледяной равниной, и в воздухе мечутся белые хлопья, и ни одна душа живая не осмеливается высунуться наружу, тогда-то и собираются люди послушать рассказ о Кише — о мальчике, который жил в самой бедной иглу[1], а потом стал первым человеком в посёлке, вождём своего племени.

Киш был резвым мальчиком — так повествует сказание, — здоровым и сильным, и уже видел он тринадцать солнц — таков счёт времени в этих северных краях. Ибо каждую зиму солнце покидает землю и оставляет её во мраке, а на следующий год нарождается новое солнце, чтобы снова дать тепло людям и позволить им видеть друг друга.

Отец Киша был отважным охотником. Но во время голода, когда он, желая спасти жизнь своему племени, вступил в единоборство с громадным белым медведем, смерть настигла его. Страшный зверь переломал ему все кости, хотя и сам погиб. На медведе оказалось много мяса, и жители посёлка были спасены. Киш был единственным сыном храброго охотника и после смерти отца остался один со своей матерью. Но

---

[1] Примечания: 1

Иглу — жилище канадских эскимосов, выстроенное из снега.

память у людей короткая, они скоро всё забывают, забыли они и о подвиге его отца. Киш был ещё совсем мальчиком, а мать его была только женщиной, и так вот случилось, что о них тоже все забыли, и впали они в бедность и очутились в самой убогой иглу во всём посёлке.

Но как-то раз вечером, на совете в просторной иглу вождя Клош-Квана, Киш вдруг показал, какая кровь течёт в его жилах. С достоинством, подобающим взрослому мужчине, он поднялся и среди шума и споров ждал, когда наступит тишина.

— Я скажу правду, — заявил он. — Мне и матери моей достаётся наша доля мяса, но мясо это часто бывает старое и жёсткое и в нём слишком много костей.

Охотники, седые и степенные, а также молодые и горячие, все были ошеломлены. Это нечто неслыханное! Ребёнок осмеливается говорить как взрослый, да ещё, мало того, бросает им прямо в лицо такие дерзкие слова!

Однако Киш продолжал спокойно и решительно:

— Я говорю так, потому что я знаю, что отец мой, Бок, был великим охотником. Все знают, что Бок приносил домой с охоты больше мяса, чем двое самых ловких зверобоев, и собственными руками помогал делить это мясо и собственными

глазами следил, чтобы самая хилая старуха и самый дряхлый старик получили справедливую долю.

— Ну его! — закричали мужчины, — Прогоните мальчишку! Отправьте малыша спать! Не дорос он ещё до того, чтобы разговаривать так с седыми мужами!

Мальчик спокойно выждал, пока буря улеглась.

— У тебя есть жена, Уг-Глук, — сказал он, — и за неё говоришь ты. И у тебя тоже, Массук, и ещё у тебя есть мать, и ты говоришь за них обеих. А у моей матери нет никого, кроме меня, вот поэтому я и говорю. И я говорю вам: Бок погиб потому, что он был слишком ретивым охотником, а значит, справедливо было бы, чтобы я, его сын, и мать моя, Айкига, которая была его женой, оба мы имели вдоволь мяса, когда оно есть у племени. Я, Киш, сын Бока, сказал всё.

Он сел, насторожённо прислушиваясь к негодующим возгласам.

— Мальчишка осмеливается говорить на совете! — ворчал старый Уг-Глук.

— Что же это, теперь грудные младенцы будут поучать нас уму-разуму? — громко спросил Массук. — Неужели я, взрослый мужчина, должен терпеть дерзости от щенка, мальчишки, которому захотелось мяса!

Гнев их разгорался всё сильней и сильней. Они кричали, чтобы Киш шёл спать, грозили, что вовсе не будут ему давать мяса, и посулили ещё,

что выпорют его хорошенько за дерзость. Глаза Киша вспыхнули, и кровь хлынула к его щекам. Услышав угрозы и издевательства, он вскочил с места.

— Слушайте меня вы, взрослые мужчины! — крикнул он. — Никогда больше не скажу я ни слова на вашем совете. До тех пор не скажу, пока вы, мужчины, не придёте ко мне и не попросите: «Хорошо было бы, Киш, если бы ты сказал нам своё слово! Вот мы все просим тебя, ибо мы хотим тебя послушать». Запомните это вы все, это мои последние слова. Бок, отец мой, был великий охотник. И я, сын его, тоже пойду на охоту и сам буду добывать себе мясо. И отныне — пусть это запомнят все — делёж добычи, которую я принесу с охоты, будет всегда справедливым. Ни вдовы, ни беспомощные дети не будут проливать слёзы по ночам оттого, что им не досталось мяса, и сильные мужчины не будут стонать и корчиться оттого, что они съели его слишком много. И стыд и позор падут на головы тех, кто объедался мясом в ущерб другим. Я, Киш, сказал всё.

Презрительные взгляды провожали его, и насмешки сыпались ему вслед, когда он, стиснув зубы, не глядя ни направо, ни налево, выходил из иглу.

На следующий день он отправился вдоль по берегу, по самому краю, там, где сходится лёд с землёй. Те, кто видел его, заметили, что он нёс свой лук и большой запас стрел с острыми

костяными наконечниками, а на плече — громадное охотничье копьё своего отца. Немало было смеха и пересудов по этому поводу. Поистине это было нечто невиданное. Никогда ещё такие мальчишки, молокососы, не ходили на охоту, а этот — глядите! — отправился один-одинёшенек. Люди покачивали головами и предрекали: это добром не кончится. Женщины участливо поглядывали на Айкигу, и лицо её было сурово и печально.

— Он скоро вернётся! — пытались они её утешать.

— Пусть попробует, это ему будет хороший урок! — говорили охотники. — Недолго он там поохотится. А уж зато потом присмиреет и будет говорить потише.

Но прошёл день, и ещё день, и на третий день поднялся свирепый буран, а Киша всё не было. Айкига рвала на себе волосы и в знак великой скорби вымазала себе лицо сажей.

Женщины осуждали мужчин и упрекали их в том, что они так обошлись с мальчиком — послали его на верную смерть. А мужчины слушали молча и собирались идти на поиски тела, как только утихнет буран.

Однако на следующий день рано утром Киш

вернулся в посёлок. Но вернулся он не пристыжённый. На плечах он нёс мясо. И выступал он внушительно, и речь его звучала заносчиво и гордо.

— Берите, мужчины, собак и нарты и ступайте по моему следу, — сказал он. — Идти вам придётся почти целый день. Там на льду вас ждёт много мяса — медведица и два больших медвежонка.

Айкига чуть не плакала от радости, но он встретил её громкие излияния, как подобает истинному мужчине.

— Довольно, мать Айкига, — промолвил он, — пойдём поедим. А после я лягу спать, потому что я устал.

И он вошёл в иглу и поел досыта. А после этого спал, не просыпаясь, целых двадцать часов.

Слова его сначала были встречены недоверчиво: они вызвали немало сомнений и споров. Охота на белого медведя — дело опасное, до трижды и три раза трижды подвергается опасности охотник, отважившийся пойти на медведицу с детёнышами. Мужчины никак не могли по-

верить, что мальчик Киш один своими руками совершил такое чудо. Но женщины твердили, что он ведь действительно принёс свежую медвежатину! И это было самым неоспоримым доводом против всяческих сомнений. Наконец они всё-таки собрались и двинулись в путь, ворча и сердито рассуждая между собой, что если даже мальчишка на самом деле всё это сделал, то уж, разумеется, ему и в голову не пришло освежевать тушу. А на Севере это надо делать сейчас же, как только убьёшь зверя. Если этого не сделать, мясо так застынет, что об него сломаешь лезвие самого острого ножа. А взвалить на нарты окоченелую тушу, в которой добрых триста фунтов[2], и волочить потом эти нарты по неровному льду — нелёгкое дело. Однако, придя на место, они увидели, что Киш не только убил медведицу с медвежатами, в чём они сомневались до самой последней минуты, но выпотрошил туши и разделил каждую на четыре части по всем охотничьим правилам.

Так началась загадочная жизнь Киша, и тайна, окружавшая его, всё росла и росла по мере того, как один за другим проходили дни. В следующий

---

[2] Примечания: 2

Фунт — единица измерения массы. В 1 фунте 453,59 граммов. (*прим. от ОМи4'а*)

свой поход Киш уложил молодого медведя. А ещё через месяц — крупного самца и самку. Обычно он уходил па три-четыря дня, но нередко пропадал на снежных равнинах и целую неделю. И он всегда отказывался, если кто-нибудь из охотников набивался пойти с ним, и люди дивились этому. «Да как же это он справляется? — допытывались они друг у друга, — Ведь он даже собаки с собой не берёт, а собака — большая подмога на охоте».

— Почему ты охотишься только на медведя? — решился как-то раз спросить его Клош-Кван.

И Киш рассудительно ответил ему:

— Всякий знает, что у медведя больше всего мяса.

Но всё же в посёлке стали поговаривать о колдовстве.

— Ему помогают злые духи, — завистливо твердили иные, — вот почему у него такая удачная охота. Разве это было бы возможно, если бы ему не помогали злые духи!

— А может быть, это не злые, а добрые духи? — возражали другие. — Ведь все знают, что отец его был великий охотник. Разве не может статься, что дух отца сопровождает его на охоту и учит его терпению, ловкости и искусству?

Но, так или иначе, Киш продолжал охотиться с

большим успехом. И охотники, которые были не так удачливы или искусны, не раз уже доставляли в посёлок его добычу. А когда дело доходило до дележа, он всегда бывал справедлив. Как, бывало, его отец, так и Киш теперь строго следил за тем, чтобы самая хилая старуха и самый дряхлый старик получали справедливую долю. И себе оставлял не более того, что было необходимо. И люди стали относиться к нему не только с уважением, но даже с каким-то благоговейным страхом, и многие стали поговаривать, что неплохо было бы выбрать его вождём после старого Клош-Квана. И так велики были его подвиги, что все ждали, когда же он наконец появится на совете. Но он не являлся, а позвать его они стыдились.

— Я хочу построить себе новую иглу, — заявил Киш однажды Клош-Квану и ещё кое-кому из охотников, — Я хочу, чтобы у нас была большая иглу, где мы — мать Айкига и я — могли бы жить просторно и удобно.

— Что ж, это дело, — степенно отвечали они.

— Но мне некогда этим заняться. Моё дело — охота. Она отнимает у меня всё время. Я думаю, было бы справедливо, если бы мужчины и женщины нашего посёлка построили мне иглу — ведь они едят мясо, которое я приношу с охоты.

И ему выстроили иглу, такую большую, что она оказалась даже просторнее, чем жилище самого Клош-Квана. Киш с матерью перебрались туда, и впервые после смерти Бока Айкига зажила в довольстве. Но не только достаток скрашивал жизнь Айкиги — мать замечательного охотника, прославившегося столь необыкновенными подвигами, стала первой женщиной в посёлке. Женщины приходили к ней просить совета, а когда спорили между собой или ссорились с мужьями, они ссылались на её мудрые речи.

И всё же тайна чудесной охоты Киша продолжала удивлять всех, люди только об этом и толковали. И вот однажды Уг-Глук прямо в лицо обвинил Киша в колдовстве.

— Говорят про тебя, — зловеще сказал ему Уг-Глук, — что ты связался со злыми духами и они помогают тебе в охоте.

— Разве я приношу плохое мясо? — возразил ему Киш. — Разве в посёлке кто-нибудь заболел, поев его? Откуда ты знаешь, что мне помогает колдовство? Или это просто твои домыслы, просто тебя грызёт чёрная зависть?

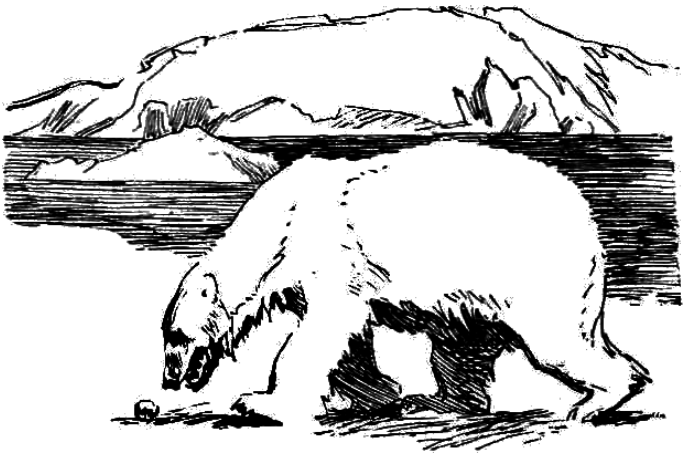

И Уг-Глук отошёл пристыжённый, а женщины смеялись, глядя ему вслед. Но однажды вечером на совете после долгих пререканий решили послать соглядатаев по следам Киша, чтобы узнать, как это он так успешно охотится. И вот, когда Киш в следующий раз пошёл на охоту, двое молодых и самых искусных охотников во всём посёлке, Бим и Боун, осторожно пошли следом за ним,

всячески стараясь, чтобы Киш их не заметил. Вернулись они только через пять дней. Лица их выражали крайнее удивление, и видно было, что им не терпится поскорее рассказать обо всём, что им довелось увидеть. Тут же созвали совет в жилище Клош-Квана, и Бим взял слово.

— Братья! — начал он. — Мы сделали, как вы нам велели: пошли по следам Киша. — И шли мы так осторожно, что он не мог нас заметить. И вот в половине первого дня нашего пути встретил он большого самца-медведя. Это был очень большой медведь…

— Больше и быть не может, — перебил Боун и стал рассказывать дальше: — Но медведю совсем не хотелось драться. Он повернулся и пошёл себе тихонько на лёд. А мы спрятались среди утёсов на берегу, и нам всё было видно, потому что медведь шёл прямо к нам, а за ним шёл Киш, и шёл без всякого страха. Он громко бранил медведя, махал на него руками и ужасно кричал. Тут наконец медведь рассердился, поднялся на задние лапы и зарычал. А Киш всё шёл прямо на него.

— Да, — подхватил Бим, — Киш шёл прямо на медведя. И тут медведь как бросится на него, и вот тогда Киш побежал, и на бегу он уронил на лёд маленький круглый шарик. Медведь остановился, обнюхал шарик и проглотил его. А Киш бежал и бросал на лёд маленькие шарики. А медведь шёл за ним и пожирал их.

Тут со всех сторон послышались недоверчивые

возгласы, а Уг-Глук во всеуслышание заявил, что таким басням никак нельзя поверить.

— Мы видели это собственными глазами, — сказал Бим.

— Да, собственными глазами, — подхватил Боун. — Так было на самом деле, а потом вдруг медведь поднялся во весь свой громадный рост и заревел во всю глотку и начал колотить себя по животу передними лапами и размахивать ими. А Киш всё ещё бежал от него по льду. Но теперь уж медведь не обращал на него никакого внимания, он весь был занят своей бедой, потому что эти маленькие круглые шарики разгрызали ему нутро.

— Да, они грызли ему нутро, — подхватил Бим, — потому что он рвал себя лапами и катался и прыгал по льду, словно медвежонок, который разыгрался вовсю. И только по тому, как он вопил и рычал, можно было догадаться, что это совсем не игра, а страшная боль. Никогда в жизни не видывал я ничего подобного.

— Да, никогда ещё глаза наши не видели ничего подобного, — подхватил Боун. — А какой это был громадный медведь!

— Это колдовство! — промолвил Уг-Глук.

— Уж не знаю, — сказал Боун, — я говорю вам то, что видел своими глазами. А через некоторое

время медведь вдруг ослаб. Ведь он был такой большой и тяжёлый, а прыгал изо всех сил. И вот он поплёлся вдоль берега, тихонько покачивая головой из стороны в сторону. Иногда он садился и опять начинал жалобно стонать и реветь. А Киш шёл за ним. А мы — за Кишем. Вот так мы и шли весь этот день и ещё целых три дня. А медведь всё слабел и слабел и не переставал выть от боли.

— Это колдовские чары! — вскричал Уг-Глук. — Ясно, это колдовские чары.

— Может статься…

Бим перебил Боуна и стал рассказывать дальше:

— Медведь брёл без всякого толку, поворачивая то вперёд, то назад, кружа по своему следу, так что в конце концов он оказался недалеко от того места, где Киш повстречал его в первый раз. Но только теперь он был еле жив и почти не мог двигаться. И тут Киш подошёл к нему и заколол его насмерть.

— А потом? — спросил Клош-Кван.

Тут уж мы оставили его свежевать медведя, а сами бросились сюда, чтобы поскорей рассказать вам, как охотится Киш.

…На исходе дня женщины привезли на санях тушу громадного медведя, а мужчины всё ещё продолжали сидеть на совете.

Едва Киш переступил порог своей иглу, к нему послали просить его пожаловать на совет. Но он отвечал, что устал и голоден, а иглу его просторна и удобна и в ней хватит места для всех.

И так было велико любопытство, что весь совет с Клош-Кваном во главе поднялся как один человек и двинулся в иглу Киша. Киш сидел и утолял голод после охоты, но он почтительно встал им навстречу и усадил каждого, соблюдая правила старшинства. Айкига, преисполненная чувства гордости, была смущена этой честью, но Киш сохранял полную невозмутимость.

Клош-Кван повторил всё, что рассказали Бим и Боун, и в заключение обратился к Кишу строго и внушительно:

— Мы ждём, чтобы ты нам сказал, Киш, как ты охотишься на медведя. Признайся: прибегаешь ли ты к колдовству?

Киш посмотрел на него и усмехнулся.

— О Клош-Кван! — промолвил он — Что может мальчик знать о колдовстве! Его ли это дело! Я ничего в этом не разумею. Я придумал способ, как без труда убивать белого медведя. Вот и всё. Я

сделал это умом, а не колдовством.

— И это может сделать каждый?

— Каждый.

Вслед за этим наступило долгое молчание. Мужчины недоуменно переглядывались, а Киш продолжал есть как ни в чём не бывало.

— И ты… ты… откроешь нам эту тайну? — прерывающимся голосом решился наконец вымолвить Клош-Кван.

— Хорошо. Я открою тебе эту тайну.

И тут Киш, разделавшись наконец с мозговой костью, которую он высасывал, встал и сказал:

— Это очень просто. Смотри!

Он взял тонкую полоску китового уса и показал её всем. Концы полоски были отточены и заострены, как иголки. Киш осторожно свернул ус колечком, так что он весь целиком уместился у него в кулаке. Затем он внезапно разжал руку, и ус мгновенно распрямился. Киш взял маленький кусочек китового жира.

— Вот, — сказал он, — ты берёшь кусочек китового жира и разминаешь так, чтобы в нём получилась ямка, затем кладёшь в эту ямку туго свёрнутый заострённый китовый ус и закрепляешь его ещё кусочком жира. А потом выносишь на мороз. Получается маленький ледяной шарик.

Медведь глотает маленький шарик, жир тает, китовый ус распрямляется у него в брюхе, и медведю становится плохо. А когда ему становится совсем плохо, ты подходишь и убиваешь его копьём. Всё это очень просто.

— О-о!.. — сказал Уг-Глук.

— А-а!.. — сказал Клош-Кван, и вслед за ним каждый выразил свои чувства по-своему. И все поняли друг друга.

Это и есть сказание о Кише, который жил в давние времена на берегу Ледовитого океана. И потому, что он помогал себе умом, а не колдовством, он, бедный мальчик из самой убогой иглу, стал вождём своего племени. И все долгие годы его жизни племя его благоденствовало, и ни вдовы, ни беспомощные старцы и дети не плакали по ночам оттого, что им не дали мяса.

На берегах Сакраменто

Ветер мчится — хо-хо-хью! —
Прямо в Калифорнию.
Сакраменто[3] *— край богатый:*
Золото гребут лопатой!

Худенький мальчик-подросток тонким, прон-

[3] Примечания: 3

Сакраменто — название реки на западе Соединённых Штатов Америки, а также название главного города штата Калифорния.

зительным голосом распевал эту морскую песню, которую во всех частях света горланят матросы, когда крутят лебёдку, снимаясь с якоря, чтобы двинуться в порт Фриско[4].

Малыш Джерри — так звали его, потому что был ещё старик Джерри, его отец, он-то и научил сына этой песне, а сверх того подарил ему яркорыжие вихры, задорные голубые глаза и светлую, сплошь усыпанную веснушками кожу.

Старик Джерри был моряком, он добрую половину своей жизни плавал по морям, и слова матросской песни сами просились ему на язык. Очутившись в Сан-Франциско, он распрощался со своим кораблём и с морем и отправился поглядеть собственными глазами на берега Сакраменто.

Тут-то он и увидел золото, потому что пристроился на работу на рудник Золотая Грёза и оказался в высшей степени полезным человеком при устройстве подвесной дороги на высоте двухсот футов[5] над рекой.

Затем эта дорога осталась в его ведении. Он следил за тросами, держал их в исправности, лю-

---

[4] Примечания: 4

Фриско — сокращённое название портового города Сан-Франциско.

[5] Примечания: 5

Фут — мера длины; 1 фут равен 30,479 см.

бил их и вскоре стал незаменимым работником на руднике Золотая Грёза. А потом он полюбил красавицу Маргарет Келли, но она очень скоро покинула и его и малютку Джерри и уснула непробудным сном на маленьком кладбище, среди больших суровых сосен.

Старик Джерри так и не вернулся на морскую службу. Он жил возле своей подвесной дороги и всю любовь, на какую способна была его душа, отдал толстым стальным тросам и малютке Джерри. Для рудника Золотая Грёза наступили чёрные дни, и тогда старик остался на службе у компании, сторожил её — ныне брошенное — имущество.

Однако сегодня утром его что-то не было видно. Один только маленький Джерри сидел на пороге своего домишка и распевал матросскую песню. Он сам приготовил себе завтрак и уже успел управиться с ним, а теперь вышел поглядеть на белый свет. Неподалёку, шагах в двадцати от него, возвышался громадный стальной барабан, на который наматывался бесконечный металлический трос. Рядом с барабаном стояла тщательно закреплённая вагонетка для руды. Проследив взглядом головокружительный полёт стальных тросов, перекинутых высоко над рекой,

он различил далеко на том берегу другой барабан и другую вагонетку.

Сооружение это приводилось в действие просто силой тяжести, то есть вагонетка двигалась, увлекаемая собственным весом, и в то же время тянула в другую сторону пустую вагонетку. Когда нагруженную вагонетку опорожняли, а пустую нагружали рудой, то всё повторялось снова, и повторялось много-много сотен и тысяч раз с тех пор, как старик Джерри стал смотрителем подвесной дороги.

Малыш Джерри оборвал своё пение, услышав приближающиеся шаги. Высокий человек в синей рубахе, с винтовкой на плече вышел из соснового леса. Это был Холл, сторож на руднике Жёлтый Дракон, расположенном в миле[6] отсюда вверх по течению Сакраменто, где тоже была перекинута дорога на тот берег.

— Здорово, малыш! — крикнул он. — Что ты тут делаешь один-одинёшенек?

— А я здесь теперь хозяин, — отвечал Джерри как нельзя более небрежным тоном, словно ему не впервой было оставаться одному. — Отец, знаете, уехал.

---

[6] Примечания: 6

Миля — мера длины; английская сухопутная миля равна 1523 метрам.

— Куда же он уехал? — спросил пришелец.

— В Сан-Франциско[7]. Он ещё вчера вечером уехал. Брат у него умер где-то в Старом Свете[8]. Вот он и поехал с адвокатом потолковать. Он только завтра вечером вернётся.

Всё это Джерри выложил с гордым сознанием, что на него легла большая ответственность — самолично сторожить рудник Золотая Грёза. Видно было в то же время, что он рад замечательному приключению — возможности пожить совсем одному на этом утёсе над рекой и самому готовить себе и завтрак и прочую еду.

— Ну смотри будь поосторожней, — посоветовал ему Холл, — да не вздумай баловать с тросами. А я вот иду посмотреть, не удастся ли подцепить оленя в каньоне[9] Колченогой Коровы.

— Как бы дождя не было, — степенно промолвил Джерри.

— А мне что! Промокнуть, что ли, страшно? — засмеялся Холл и, повернувшись, скрылся в лесу.

---

[7] Примечания: 7

Сан-Франциско — город и округ в штате Калифорния, США. (*прим. от OMu4'a*)

[8] Примечания: 8

Старый Свет — В Америке Старым Светом называют Европу.

[9] Примечания: 9

Каньон — узкий глубокий овраг с отвесными берегами.

Предсказание Джерри насчёт дождя сбылось. Часам к десяти сосны заскрипели, закачались, застонали, стёкла в окнах задребезжали, дождь захлестал длинными косыми струями. В половине двенадцатого Джерри развёл огонь в очаге и, едва пробило двенадцать, уселся обедать. «Сегодня уж, конечно, гулять не придётся», — решил он, тщательно вымыв и прибрав посуду после еды. И ещё подумал: как, должно быть, вымок Холл и удалось ли ему подстрелить оленя?

Около часу дня постучали в дверь, и, когда Джерри открыл, в комнату стремительно влетели мужчина и женщина, словно их силком впихнул ветер. Это были мистер и миссис Спиллен — фермеры, жившие и уединённой долине, милях в двенадцати от реки.

— А где Холл? — запыхавшись, спросил Спиллен.

Джерри заметил, что фермер чем-то взволнован и куда-то торопится, а миссис Спиллен, по-видимому, очень расстроена.

Это была худая, поблёкшая женщина, много поработавшая на своём веку; унылый, беспросветный труд наложил на её лицо тяжкую печать. Та же тяжкая жизнь согнула спину её мужа, искорёжила его руки и покрыла волосы сухим пеплом

ранней седины.

— Он на охоту пошёл в каньон Колченогой Коровы. А вам что — на ту сторону, что ли, надо?

Женщина стала тихонько всхлипывать, а у Спиллена вырвался возглас, выражавший крайнюю досаду. Он подошёл к окну. Джерри стал с ним рядом и тоже поглядел в окно, в сторону подвесной дороги: тросов почти не было видно за густой пеленой дождя.

Обычно жители окрестных селений переправлялись через Сакраменто по канатной дороге Жёлтого Дракона. За переправу полагалась небольшая плата, из которой компания Жёлтого Дракона платила жалованье Холлу.

— Нам надо на ту сторону, Джерри, — сказал Спиллен и ткнул пальцем через плечо в сторону плачущей жены. — Отца у неё задавило на руднике, в шахте Клеверного Листа. Там взрыв был. Говорят, не выживет. А нам только сейчас сообщили.

Джерри почувствовал, как у него ёкнуло сердце. Он понял, что Спиллен хочет переправиться по тросам Золотой Грёзы, но без отца Джерри не мог решиться на такой шаг, потому что по их дороге никогда не возили пассажиров и она уже давно находилась в бездействии.

— А может быть, Холл скоро придёт, — промолвил он.

Спиллен покачал головой.

— А отец где? — спросил он.

— В Сан-Франциско, — коротко ответил Джерри.

С хриплым стоном Спиллен яростно хлопнул кулаком по ладони. Жена его всхлипывала всё громче, и Джерри слышал, как она причитала: «Ах, не поспеем, не поспеем, умрёт…»

Мальчик чувствовал, что и сам вот-вот заплачет; он стоял в нерешительности, не зная, что предпринять. Но Спиллен решил за него.

— Послушай, малыш, — сказал он тоном, не допускающим возражений, — нам с женой надо переправиться во что бы то ни стало по твоей дороге. Можешь ты нам помочь в этом деле — запустить эту штуку?

Джерри невольно попятился, точно ему предложили коснуться чего-то недозволенного.

— Я лучше пойду посмотрю, не вернулся ли Холл, — робко сказал он.

— А если нет?

Джерри снова замялся.

— Если случится что, я за всё отвечаю. Видишь ли, малый, нам до зарезу надо на ту сторону.

Джерри нерешительно кивнул.

— А дожидаться Холла нет никакого смысла, — продолжал Спиллен, — ты сам понимаешь, что он скоро из каньона Колченогой Коровы не вернётся. Так что идём-ка, запусти барабан.

«Неудивительно, что у миссис Спиллен был такой испуганный вид, когда мы помогали ей взобраться в вагонетку!» — так невольно подумал Джерри, заглянув вниз, в пропасть, которая сейчас казалась совершенно бездонной. Противоположного берега, находившегося на расстоянии семисот футов[10], вовсе не было видно сквозь ливень, и гонимые неистовым ветром клочья облаков, и яростную пену, и брызги. А утёс, на котором они стояли, уходил отвесной стеной прямо в бурлящую мглу, и казалось, что от стальных тросов туда, вниз, не двести футов[11], а по крайней мере миля[12].

— Ну, готово? — спросил Джерри.

---

[10] Примечания: 10
700 футов - это примерно 213 метров. (*прим. от OMu4'a*)

[11] Примечания: 11
220 футов - примерно 61 метр. (*прим. от OMu4'a*)

[12] Примечания: 12
Сухопутная миля равняется 1523 метрам. (*прим. от OMu4'a*)

— Давай! — во всю глотку, заорал Спиллен, чтобы перекричать вой ветра. Он уселся в вагонетку рядом с женой и взял её за руку.

Джерри это не понравилось.

— Вам придется держаться обеими руками: ветер сильно швыряет! — крикнул он.

Муж с женой тотчас же розняли руки и крепко ухватились за края вагонетки, а Джерри осторожно отпустил тормозной рычаг. Барабан не спеша завертелся, бесконечный трос стал разматываться, и вагонетка медленно двинулась в воздушную пропасть, цепляясь ходовыми колёсиками за неподвижный рельсовый трос, протянутый вверху.

Джерри уже не в первый раз пускал в ход вагонетку. Но до сих пор ему приходилось это делать только под наблюдением отца. Он осторожно регулировал скорость движения при помощи тормозного рычага. Тормозить было необходимо, потому что от бешеных порывов ветра вагонетка сильно раскачивалась, а перед тем как совсем скрыться за стеной дождя, она так накренилась, что чуть не вывернула в пропасть свой живой груз.

После этого Джерри мог судить о движении вагонетки только по движению троса. Он очень

внимательно следил, как трос разматывается с барабана. «Триста футов… — шептал он по мере того, как проходили отметки на кабеле. — Триста пятьдесят… четыреста… четыреста пятьдесят…[13]»

Трос остановился. Джерри дёрнул рычаг тормоза, но трос не двигался. Мальчик обеими руками схватился за трос и потянул на себя, стараясь сдвинуть его с места. Нет! Где-то явно застопорило. Но где именно, он не мог догадаться. И вагонетки не было видно. Он поднял глаза вверх и с трудом различил в воздухе пустую вагонетку, которая должна была двигаться к нему с такой же скоростью, с какой вагонетка с грузом удалялась. Она была от него примерно в двухстах пятидесяти футах[14]. Это означало, что где-то в серой мгле, на высоте двухсот пятидесяти футов от другого берега, висят в воздухе застрявшие в пути Спиллен с женой.

Три раза Джерри окликал их во всю пронзительную силу своих лёгких, но голос его тонул в неистовом рёве непогоды. В то время как он ли-

---

[13] Примечания: 13

300 футов, 350, 400, 450 соответственно 90 метров, 107, 122, 137. (*прим. от OMu4'a*)

[14] Примечания: 14

250 футов - 76 метров. (*прим. от OMu4'a*)

хорадочно перебирал в уме, что бы такое сделать, быстро бегущие облака над рекой вдруг поредели и разорвались, и он на мгновенье увидел вздувшуюся Сакраменто внизу и висящую в воздухе вагонетку с людьми. Затем облака снова сошлись, и над рекою стало ещё темнее, чем раньше.

Мальчик тщательно осмотрел барабан, но не обнаружил в нём никаких неполадок. По-видимому, что-то неисправно в барабане на том берегу. Страшно было представить себе, как эти двое висят над пропастью среди ревущей бури, раскачиваясь в утлой вагонетке, и не знают, почему она вдруг остановилась. И подумать только, что им придётся так и висеть до тех пор, пока он не переправится на тот берег по тросам Жёлтого Дракона и не доберётся до злополучного барабана, из-за которого всё это случилось!

Но тут Джерри вспомнил, что в чулане, где хранятся инструменты, есть блок и верёвки, и со всех ног бросился за ними. Джерри быстро прикрепил блок к тросу, бормоча про себя: «Блок ведь сильный, четырёхкратный...» И стал тянуть. Мальчик тянул изо всех сил, так что руки прямо отрывались от плеч, а мускулы, казалось, вот-вот лопнут. Однако трос не сдвинулся. Теперь уж ничего другого не оставалось, как перебираться

на тот берег.

Он уже успел промокнуть до костей, так что теперь сломя голову бежал к Жёлтому Дракону, не замечая дождя. Ветер подгонял его, и бежать было легко, хоть и беспокоила мысль, что придётся обойтись без помощи Холла и некому будет тормозить вагонетку. Однако он сам соорудил себе тормоз из длинной верёвки, которую накинул петлей на неподвижный трос.

Ветер с бешеной силой налетел на него, засвистел, заревел ему в уши, раскачивая и подбрасывая вагонетку, и он ещё яснее представил себе, каково сейчас тем двоим — Спиллену и его жене. Это придало ему мужества. Благополучно переправившись, он вскарабкался по откосу и, с трудом удерживаясь на ногах против ветра, но всё же пытаясь бежать, направился к барабану Золотой Грёзы.

Однако, осмотрев его, он с ужасом обнаружил, что барабан в полном порядке. И на том и на другом конце всё в исправности. Где же, в таком случае, застопорило? Не иначе как посредине!

Сейчас вагонетка с четой Спилленов находилась от него всего на расстоянии двухсот пятидесяти футов. Сквозь движущуюся дождевую завесу он мог различить мужчину и женщину,

скорчившихся на дне вагонетки и словно отданных на растерзание разъярённым стихиям. В промежутке между двумя шквалами он крикнул Спиллену, чтобы тот проверил, в порядке ли ходовые колёсики.

Спиллен, по-видимому, услыхал его, потому что Джерри видел, как он, осторожно приподнявшись на колени, ощупал руками оба колёсика вагонетки. Затем он повернулся лицом к берегу:

— Здесь всё в порядке, малый!

Джерри едва расслышал эти слова, но смысл их дошёл до него. Так что же всё-таки случилось? Теперь уже можно было не сомневаться, что всё дело в пустой вагонетке: её не было видно отсюда, но он знал, что она висит там, в этой ужасной бездне, за двести футов от вагонетки Спиллена.

Он не задумываясь решил, что надо делать. Ему было всего четырнадцать лет, этому худощавому, подвижному мальчугану. Но он вырос в горах, отец посвятил его в разные тайны матросского искусства, и он совсем не боялся высоты.

В ящике с инструментами около барабана он разыскал старый гаечный ключ, небольшой железный прут и целую связку почти нового манильского шпагата. Он безуспешно пытался найти какую-нибудь дощечку, чтобы смастерить

себе некое подобие матросской люльки, но под рукой не оказалось ничего, кроме громадных тесин; распилить их было нечем, и он вынужден был обойтись без удобного седла.

Седло, которое Джерри себе устроил, было проще простого: он перекинул канат через неподвижный трос, на котором висела пустая вагонетка, и, затянув его узлом, сделал большую петлю; сидя в этой петле, он без труда мог достать руками до троса и держаться за него. А вверху, где петля должна была тереться о металлический трос, он подложил свою куртку, потому что, как ни искал, нигде не мог найти тряпки или старого мешка.

Наскоро закончив все эти приготовления, Джерри повис в своей петле и двинулся прямо в бездну, перебирая руками трос. Он взял с собой гаечный ключ, небольшой железный прут и несколько футов верёвки. Путь его лежал не горизонтально, а несколько вверх, но не подъём затруднял его, а страшный ветер. Когда бешеные шквалы швыряли его то туда, то сюда и чуть не переворачивали кругом, он чувствовал, что сердце у него замирает от страха. Ведь трос совсем старый… а вдруг он не выдержит его тяжести и этих бешеных натисков ветра — не выдержит и

оборвётся?

Это был самый откровенный страх. Джерри чувствовал, как у него сосёт под ложечкой, а колени дрожат мелкой дрожью, которую он не в силах был сдержать.

Но он мужественно продолжал свой путь. Трос был ветхий, раздёрганный, острые концы оборванных проволок, торчавшие во все стороны, в кровь раздирали руки. Джерри заметил это, когда

решил сделать первую остановку и попытался докричаться до Спилленов. Их вагонетка висела теперь прямо под ним, на расстоянии всего нескольких футов, так что он уже мог объяснить им, что случилось и зачем он пустился в это путешествие.

— Рад бы помочь тебе, — крикнул Спиллен, — да жена у меня совсем не в себе! Смотри, малыш, будь осторожнее. Сам я напросился на это, но теперь, кроме тебя, нас некому вызволить.

— Да уж так не оставлю! — крикнул ему в ответ Джерри. — Скажите миссис Спиллен, что не пройдёт и минуты, как она будет на той стороне.

Под слепящим проливным дождём, болтаясь из стороны в сторону, как соскочивший маятник, чувствуя нестерпимую боль в изодранных ладонях, задыхаясь от усилий и от врывавшейся в лёгкие стремительной массы воздуха, Джерри наконец добрался до пустой вагонетки. С первого же взгляда мальчик убедился, что не напрасно совершил это страшное путешествие. Вагонетка висела на двух колёсиках; одно из них сильно поистёрлось за время долгой службы и соскочило с троса, который был теперь намертво зажат между самим колёсиком и его обоймой.

Ясно было, что прежде всего надо освободить

колёсико из обоймы, а на время этой работы вагонетку необходимо крепко привязать верёвкой к неподвижному тросу.

Через четверть часа Джерри наконец удалось привязать вагонетку — это было всё, чего он добился. Чека, державшая колёсико на оси, совсем заржавела и сидела как мёртвая. Джерри изо всей силы колотил по ней одной рукой, а другой держался как мог, но ветер непрерывно толкал и раскачивал его, и он очень часто промахивался и не попадал по чеке. Девять десятых всех его усилий уходило на то, чтобы удержаться на месте; опасаясь уронить гаечный ключ, он привязал его к руке носовым платком.

Прошло уже полчаса. Джерри сдвинул чеку с места, но вытащить её ему не удавалось. Десятки раз он готов был отчаяться, всё казалось напрас-

ным — и опасность, которой он себя подвергал, и все его старания. Но внезапно его словно осенило. С лихорадочной поспешностью он стал рыться в карманах. И нашёл то, что ему было нужно, — длинный толстый гвоздь.

Если бы не этот гвоздь, который неведомо когда и как попал к нему в карман, Джерри пришлось бы снова возвращаться на берег. Продев гвоздь в отверстие чеки, он наконец ухватил её, и через минуту чека выскочила из оси. Затем началась возня с железным прутом, которым он старался освободить колёсико, застрявшее между тросом и обоймой. Когда это было сделано, Джерри поставил колёсико на старое место и, с помощью верёвки подтянув вагонетку, посадил наконец колёсико на металлический трос.

Однако на всё это потребовалось немало времени. Часа полтора прошло с тех пор, как Джерри сюда добрался. И вот теперь он наконец решился вылезти из своего «седла» и прыгнуть в вагонетку. Он отвязал верёвку, которая её держала, и колёсики медленно заскользили по тросу. Вагонетка двинулась. И мальчик знал, что где-то там, внизу — хотя ему это и не было видно, — вагонетка со Спилленами тоже двинулась, только в обратном направлении.

Теперь ему уже не нужен был тормоз, потому что вес его тела достаточно уравновешивал тяжесть другой вагонетки. И скоро из мглы облаков показался высокий утёс и старый знакомый — уверенно вращающийся барабан.

Джерри соскочил на землю и старательно закрепил свою вагонетку. Он проделал это спокойно и тщательно. А потом вдруг — совсем уже не по-геройски, — невзирая на бурю и ливень, бросился на землю у самого барабана и громко расплакался.

Причин для этого было немало: нестерпимая боль в изодранных руках, страшная усталость и сознание, что он наконец освободился от ужасного нервного напряжения, не отпускавшего его несколько часов, и ещё горячее, захватывающее чувство радости от того, что Спиллен с женой теперь в безопасности.

Они были далеко и, понятно, не могли его поблагодарить, но он знал, что где-то там, за разъярённой, беснующейся рекой, они сейчас спешат по тропинке к шахте Клеверного Листа.

Джерри, пошатываясь, побрёл к дому; белая ручка двери окрасилась кровью, когда он взялся за неё. Но он даже не заметил этого.

Мальчик был горд и доволен собой, ибо твёрдо знал, что поступил правильно, а так как он ещё не умел хитрить, то не боялся признаться самому себе, что сделал хорошее дело. Одно только маленькое сожаление копошилось у него в сердце: ах, если бы отец был здесь и видел его!

5 коп.

ДЛЯ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Джек Лондон

СКАЗАНИЕ О КИШЕ

Рассказы

ИБ № 4454

Ответственный редактор *С. К. Берман*. Художественный редактор *Н. З. Левинская*.
Технический редактор *Л. С. Сёмина*. Корректор *З. В. Зайдель*.
Подписано к печати с готовых матриц 8/VIII 1979 г. Формат 60×90¹/₁₆. Бум. типогр. № 2. Шрифт литературный. Печать высокая. Усл. печ. л. 2,0. Уч.-изд. л. 1,54. Тираж 1 000 000 экз. Заказ № 3127. Цена 5 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.